

— Наказание такое: все проигравшие начинают с одной наклейкой. Ну как, Жаньжань ведь очень добрая? Я же даже не убила вас сразу.

Девочка снова захихикала:

— После одиннадцати вечера я приду проверять. У кого тогда окажется больше всего наклеек, того Жаньжань заберёт играть с собой.

— Ах да. Если первое место разделят несколько человек, тогда умрут все, у кого одинаковое максимальное число наклеек.

Лица присутствующих менялись одно за другим. Если раньше их жизнь находилась в руках маленькой девочки, то теперь она действительно оказалась в их собственных руках.

Пока наклеек на тебе не больше всех, шанс выжить остаётся очень высоким.

Люди смотрели друг на друга со сложной смесью чувств: настороженностью, прощупыванием, возбуждением, страхом...

— Достаточно, чтобы у одного человека оказалось больше всех наклеек, и тогда остальные выживут, — вдруг сказал кто-то из толпы. — Это самый выгодный способ. Иначе мы полдня будем резаться друг с другом, а в конце всё равно кто-то умрёт, а может, и не один...

Холодная красавица рядом презрительно усмехнулась и без церемоний перебила его:

— На словах легко. А сам готов стать таким великим добряком?

Все понимали, что одна жизнь в обмен на двенадцать — лучший исход.

Проблема была лишь в одном: кто согласится стать этим самоотверженным спасителем?

Перед лицом смерти люди эгоистичны. Никто не захочет отдать собственную жизнь ради нескольких незнакомцев, чьих имён даже не знает.

— А-а-а! — неизвестно кто закричал.

Все повернулись на звук и увидели, что четвёртый из недавней партии уже набросился на седьмого. Он прижал его к полу и с силой прилепил наклейку на одежду.

— Быстрее! — заорал четвёртый. — Если все наклеим свои на него, мы выживем!

Седьмой отчаянно вырывался, лежа на полу, и сквозь зубы ругался:

— Да ты, мать твою...

Кто-то рядом сразу сообразил и с собственной наклейкой направился к седьмому.

Стоило одному человеку начать, как чувство вины у тех, кто следовал за ним, резко уменьшалось. Они ведь всего лишь повторяли за другим. Не они были зачинщиками. Разве они в чём-то виноваты?

Увидев, что к седьмому подходит всё больше людей, даже те, кто ещё колебался, постепенно начали менять решение.

Всё равно их один голос уже ничего не изменит. Столько людей выбрали одного человека — он наверняка умрёт. Держать наклейку при себе бессмысленно, так почему бы...

Не подбросить ещё немного хвороста в огонь?

Юй Янь наблюдал за взбудораженной толпой и всё сильнее чувствовал, что здесь что-то не так.

Неужели всё настолько просто?

Тогда зачем ограничивать время одиннадцатью вечера? Для чего оставлены все лишние часы?

Тринадцать человек — не так уж много, но и не мало. Очень скоро они превратили столовую в полный хаос. Седьмого прижали к полу, а одежда на груди оказалась сплошь залеплена наклейками.

Красные иероглифы «СМЕРТЬ» теснились один к другому и выглядели особенно зловеще. Даже зрители, обычно лишь наслаждавшиеся представлением, не удержались от тяжёлых комментариев.

[Каждый раз, когда встречаю такую игру, смотреть не хочется. Вся человеческая мерзость сразу наружу лезет. Эх...]

[А по-моему, именно поэтому и интересно. Вам разве не кажется, что это очень захватывающе?!]

[Тихонько скажу... а я вообще-то хочу посмотреть, как толпа накинется на красавчика...]

— Бах!

В шумной толпе раздался тяжёлый удар. Юй Янь поднял глаза и увидел, как седьмой, которого только что унижали на полу, пинком отбросил навалившегося на него человека и кое-как поднялся.

Его глаза налились кровью. Он выглядел как демон, только что выползший из ада.

Рубашка давно превратилась в мятый лоскут. Седьмой медленно поднял руку и нащупал одну из наклеек.

— Не трать силы, их не снять, — напомнил кто-то сочувственным голосом, хотя его собственная наклейка уже тоже красовалась на седьмом.

Седьмой словно не услышал. Он ухватился за край наклейки и резко потянул — и действительно сорвал её!

Нельзя было снять только первоначальную наклейку. Все остальные снимались!

Седьмой закрыл лицо руками. Плечи у него задрожали, а затем он рассмеялся до слёз.

— Не ожидали? — хохотал он. — Теперь на мне больше всего наклеек. Мне достаточно схватить одного человека и перенести на него все остальные — и тогда именно он точно умрёт...

Ситуация перевернулась в одно мгновение!

Тот, кого только что толпой загоняли в угол, внезапно оказался над всеми и теперь мог распоряжаться чужими жизнями.

Так эти наклейки всё-таки снимаются...

Юй Янь медленно отвёл взгляд. Тогда все его прежние вопросы получили ответ. Разобравшись, он потерял интерес к этому фарсу и снова сосредоточился на Се Чжи рядом.

Всё произошло слишком внезапно, и он едва не забыл, что рука Се Чжи всё ещё ранена.

— Второй, хватит смотреть спектакль. Сначала вылечи его.

— Не называй меня всё время «второй». У меня есть имя — Сун Юйань, — неохотно оторвавшись от представления, с некоторым бессилием сказал Сун Юйань.

— Ага. — Юй Яню было совершенно безразлично, как его зовут. Он лишь кивнул в сторону Се Чжи. — Сначала вылечи его.

Заметив эту откровенную небрежность, Сун Юйань вздохнул. Его ладонь окутало белое свечение, и он потянулся к раненой лапе Се Чжи.

— Подожди. — Юй Яню вдруг пришла в голову одна мысль. — Он волк. Обычная медицина на него подействует?

Врач и ветеринар — вроде бы не взаимозаменяемые профессии.

— Не беспокойся, у меня и ветеринарное удостоверение есть, — Сун Юйань догадался, о чём тот переживает, и небрежно успокоил его.

Хотя фраза «он волк» звучала очень странно. Разве волчья лапа не должна была быть всего лишь проявлением способности?

Хм... возможно, у них такая особая ролевая игра. Сун Юйань решил лишних вопросов не задавать.

Он вспомнил мрачный взгляд Се Чжи, когда до этого схватил Юй Яня за запястье, и ещё раз утвердился в этой версии.

Ага. Всё именно так.

Рука продолжила двигаться, приближая свечение к лапе Се Чжи.

Юй Янь успокоенно кивнул, а вот Се Чжи мгновенно ошетинился:

— Какой ещё ветеринар? Ты вообще надёжный? Я сейчас человек, значит, меня должен лечить обычный врач!

— Хорошо-хорошо, человек ты, человек, — Сун Юйань не ожидал, что после одного придётся ещё успокаивать другого. — Я окончил нормальный медицинский университет, не переживай.

Се Чжи фыркнул и больше не спорил.

Он смотрел, как белое сияние медленно накрывает его руку. Тёплое, лёгкое — очень приятное.

Но вскоре...

Белый свет постепенно покраснел, и вместе с цветом начала расти температура. Раны словно обжигало огнём: ладонь ломило, нервы немели.

Если бы Се Чжи не видел собственными глазами, как повреждения медленно затягиваются, он бы уже заподозрил, что этот человек специально хочет замучить его болью.

А боль всё усиливалась.

— Ух... — Се Чжи невольно простонал и попытался отдернуть руку от красного света, но тело совершенно перестало слушаться.

Кончики пальцев задрожали, он инстинктивно сжался.

— Больно, братик...

Се Чжи поднял лицо к Юй Яню. Слезы стояли в глазах, готовые вот-вот сорваться, и жалобно дрожали на ресницах.

На лбу выступила мелкая испарина — то ли от жара, то ли от боли. Крупные капли скатывались по щекам.

Выглядел он до невозможности несчастным. Юй Янь присел рядом и, нахмурившись, посмотрел на красное свечение между их руками.

— Более щадящего способа лечения нет?

<http://bllate.org/book/19049/1907774>